

УДК 343.234
ББК 67.408
X 29

Б.Н. Хачак,

старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета Адыгейского государственного университета, тел. 8 8772 52-75-96.

**Отсрочка отбывания наказания по уголовному -
исполнительному законодательству: гендерный анализ**
(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы при отсрочке отбывания наказания осужденным беременным женщинам и осужденным женщинам, имеющим малолетних детей. Положение осужденных к лишению свободы женщин является центром внимания для многих ученых - пенитенциаристов. Главные вопросы, касающиеся целесообразности и сущности отсрочки, состоят в двух аспектах: слишком продолжительном периоде данной отсрочки (до исполнения ребенку 14 лет) и, что касается гендерного подхода, неприменимости ее к осужденным мужчинам – отцам малолетних детей, которые в силу различных причин, например, воспитывали ребенка самостоятельно.

Ключевые слова: гендерный подход, отсрочка, пенитенциарный, малолетние дети, законодатель, уголовно-исполнительное право, осужденный, исправительные учреждения.

B.N. Khachak,

Senior Lecturer of Criminal Law Department of Faculty of Law, Adyghe State University, ph. 8 8772 52-75-96.

**Delay in punishment by criminal - executive legislation: the gender
analysis**

Abstract. The paper discusses problems related to a delay in serving a punishment to the condemned pregnant women and to the condemned women having juvenile children. Position of women condemned to imprisonment is in focus of attention for many scientists. The main points concerning expediency and essence of a delay are presented in two aspects: too long period of this delay (before the child is 14 years old) and, as to the gender approach, its inapplicability to the condemned men who are fathers of juvenile children for various reasons, for example, bringing up the child independently.

Keywords: the gender approach, a delay, penitentiary, juvenile children, the legislator, the criminal-executive law, condemned, correctional facilities.

Существует специфика некоторых особенностей, имеющих место при отбывании наказания осужденными разного пола. Некоторые из них регламентированы УИК РФ, ведомственными нормативными актами, а другие сложились на практике. Так, в ч. 5 ст. 82 УИК РФ сказано, что личный обыск производится лицами одного пола с осужденными. Перечень вещей и предметов, которые осужденным разрешается и запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах и бандеролях либо приобретать устанавливается Правилами внутреннего распорядка исправительных

учреждений, и для осужденных женщин он несколько шире, чем для мужчин, поскольку включает в себя, например, некоторые предметы гигиены, косметические принадлежности, парфюмерию, что вполне оправдано физиологическими и эстетическими потребностями женщины, а, значит, соответствует принципу уважения ее человеческого достоинства.

Специальными законами и нормативно-правовыми актами регламентируется применение физической силы, специальных средств и оружия в отношении осужденных разного пола. В частности, такими, как Законом РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. [1], приказ МВД РФ от 12 апреля 1994 г. № 114 «О совершенствовании организации деятельности отрядов специального назначения уголовно - исполнительной системы»; постановление Правительства РФ «Об утверждении норм обеспечения оружием, боеприпасами к нему и специальными средствами сотрудников уголовно- исполнительной системы» 1994 г. [2]

Общим для всех существующих правовых актов является то, что применение специальных средств и оружия запрещается в отношении женщин с явными признаками беременности (наряду с инвалидами и несовершеннолетними, когда их возраст очевиден). Однако возможны исключения – когда осужденные женщины (в случаях опасного поведения, требующего применения указанных мер безопасности) сами оказывают вооруженное сопротивление, совершают групповое или иное нападение, угрожающее жизни и здоровью остальных граждан [3]

В ст. 88 УИК РФ специально регулируется порядок приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости осужденными беременными и женщинами, имеющими при себе детей, - когда они могут это делать за счет средств, находящихся на их лицевых счетах, - причем без ограничения.

Интересно, что в отношении осужденных к лишению свободы женщин законодатель не ограничивает количество посылок, передач и бандеролей, а в отношении мужчин – довольно жестко, в зависимости от вида режима исправительной колонии (ч. 1 ст. 90 УИК РФ). В принципе, данное предписание является довольно странным – именно мужчины в исправительных учреждениях страдают от недоедания, поэтому вряд ли данное правило заслуживает его оценки как справедливое и целесообразное.

На наш взгляд, следует изменить отношение к женщинам, имеющим несовершеннолетних детей, в плане расширения возможностей общения с ними. Так, в ст. 97 (ч.2) краткосрочный выезд за пределы исправительных учреждений может быть разрешен только осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка для их устройства у родственников либо в детском доме, а также имеющим несовершеннолетних детей-инвалидов. Почему бы не предусмотреть такую возможность для тех, кто имеет несовершеннолетнего ребенка вне зависимости от его состояния здоровья, или имеет малолетнего ребенка, который во время отбывания наказания находится у супруга, родителей или иных родственников?

Осужденные беременные женщины и женщины-роженицы, а также имеющие малолетних детей сравнительно недавно уравниваются законодателем в социальном положении с остальными обычными (свободными от уголовной ответственности) женщинами. Так, ст. 98 УИК РФ устанавливает, что они обеспечиваются пособиями по беременности и родам в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, причем независимо от исполнения ими трудовых обязанностей и иных обязательств. Кроме того, на период освобождения от работы питание этой категории осужденных предоставляется бесплатно и в повышенных нормах, им создаются

улучшенные жилищно-бытовые условия. В этом отражается забота государства не столько о самой женщине-осужденной, сколько в отношении к ребенку.

Более того, согласно ст. 100 УИК РФ регламентированы особенности материально-бытового обеспечения осужденных беременных женщин, кормящих матерей и имеющих детей в возрасте до трех лет (на сегодняшний день таких учреждений 11, в домах ребенка содержится более 500 детей). Для этой категории существуют специализированные исправительные колонии с домами ребенка при них, в которых созданы условия для нормального развития детей, оказывается специализированная медицинская и иная социальная помощь.

Заметим, что эта норма имеет также исторический характер: в ст. 33 ИТК РСФСР женщинам было разрешено проживание вне колонии на время освобождения по беременности и родам, а также до достижения ребенком двухлетнего возраста. Кроме того, в ст. 56 ИТК РСФСР устанавливалось, что беременным женщинам, кормящим матерям наравне с больными и несовершеннолетними осужденными устанавливались повышенные нормы питания и создавались улучшенные жилищно-бытовые условия, разрешалось получение дополнительных продуктовых посылок и передач. Понятно, что данные нормы были введены с учетом социальной роли женщины – матери, когда обеспечение рождения и воспитания ребенка фактически признаны более значимыми целями, нежели абсолютное равенство условий при исполнении наказания. Эти правовые улучшения – не привилегии, а необходимые меры для «уравнивания» справедливого отношения к осужденному с точки зрения, выполняемой им в обществе социальной роли и значения этой роли. Данная точка зрения высказана многими учеными и практиками. [4]

Однако представляется странным, что ни в старом ИТК РСФСР, ни в новом УИК РФ законодатель не приравнивает к статусу осужденной женщины-матери малолетнего ребенка тех осужденных мужчин, которые являлись добросовестными отцами малолетних детей (что не такая уж редкость), а, порой, единственными родителями в семье. Как нам представляется, даже для тех немногочисленных случаев, в которых нарушены родительские права мужчины по сравнению с женщинами, следовало предусмотреть равную правовую основу в целях исправления данного несправедливого ограничения их прав.

Как видится, в основе установленной законодателем «женской» привилегии воспитывать малолетнего ребенка лежало (и лежит) мировоззренческое, даже обывательское представление о том, что основная и подавляющая по значимости функция и рождения, и воспитания детей лежит исключительно на женщине. Данный вывод основан не только на наблюдениях, но и статистике судебных процессов, связанных с разводами и определением дальнейшей судьбы ребенка после прекращения брака родителей. Фактически в 90% таких случаев суд отдает предпочтение матери, а не отцу, хотя именно последний способен обеспечить гораздо более комфортное содержание и воспитание детей, чем мать. Редко возникает вопрос и о равных правах матери и отца на воспитание детей (как это давно уже стало традицией на Западе). Таким образом, законодатель и правоприменитель подтверждает и закрепляет в нормах права устаревшую, ничем не обоснованную традицию, изначально освобождающую отца от выполнения необходимых воспитательных функций по воспитанию детей. Этим самым мы создаем ущербную мораль общества, которая сводит и в праве, и в жизни роль отца при неудавшемся браке с матерью ребенка исключительно к уплате алиментов (материальное содержание).

Между тем, как точно заметил Н. Загородников, «если та или иная норма закона не отражает социально - политическое содержание института, то доля ученых - не

подгонять под эту норму свои убеждения, а обоснованно доказать необходимость ее изменения». [5]

Представляется, что пришло время пересмотреть данные правовые институты в пользу равного подхода и равной ответственности мужчины и женщины к воспитанию ребенка, равным возможностям реализации их родительских прав, - в том числе, и осужденных.

Показательно отношение законодателя к мужчинам и женщинам пенсионного возраста: иногда эти категории осужденных дифференцируются в зависимости от пола и возраста, как это делает социальное право. Например, в ст. 103 «Привлечение к труду осужденных к лишению свободы» указано, что осужденные мужчины старше 60 лет и осужденные женщины старше 55 лет, во-первых, привлекаются к труду по их желанию и в соответствии с законодательством РФ о труде и социальной защите, а во-вторых, как уже было отмечено, на категорию осужденных-пенсионеров полностью распространяется положение о получении ими заработной пенсии (при соответствующих удержаниях, необходимых для возмещения расходов по содержанию) – в целом, не менее 50% начисленной суммы. Это принципиально важное положение, содержание и направленность которого полностью соответствует всем базовым принципам защиты прав и интересов осужденного – гуманизма, справедливости, равенства, уважения чести и достоинства личности.

Заметим, что среди мер взыскания, применяемых к осужденным, в УИК РФ видна четкая дифференциация в зависимости от пола нарушителя: к мужчинам можно применить (наряду с общими мерами – выговором, дисциплинарным штрафом, водворением в штрафной изолятор до 15 суток) еще и перевод в одиночную камеру на срок до шести месяцев, единое помещение камерного типа до одного года. В то время как к осужденным женщинам возможен только их перевод в помещение камерного типа на срок до трех месяцев (п. «е» ч. 1 ст. 115 УИК РФ). Более того, беременные и имеющие детей до трех лет в доме ребенка при колонии осужденные женщины ни в штрафной изолятор, ни в помещение камерного типа не переводятся (ч. 7 ст. 117 УИК РФ). Как мы видим, законодатель упорно преследует принцип презумпции меньшей агрессивности, криминальности поведения осужденных женщин - нежели мужчин, создавая существенно более мягкую и менее разветвленную систему наказаний для нарушительниц.

Полностью посвящена регламентации прав осужденных женщин ст. 177 УИК РФ «Отсрочка отбывания наказания осужденным беременным женщинам и осужденным женщинам, имеющим малолетних детей». Фактически она представляет собой аналог рассмотренной нами отсрочки, установленной в ст. 82 УК РФ, только лишь за тем исключением, что применяется в отношении данной категории уже отбывающих лишение свободы в исправительной колонии. Ученые и практики отмечают чрезвычайно малую применяемость отсрочки данного вида, в частности, называется показатель менее 1% осужденных женщин. Причинами этому могут быть как слишком большое ограничение контингента женщин, к которым возможно ее применение, так и административные препоны на пути ее применения (нежелание администрации предпринять шаги для реализации права женщины по предоставлению данной отсрочки) [6].

По непонятным причинам в ст. 181 УИК РФ законодатель не выделяет особенности социально- правового положения освобождающихся после отбывания лишения свободы беременных и женщин, имеющих малолетних детей, кроме как обязанности администрации уведомить об их освобождении родственников или иных лиц. Представляется, что данная категория нуждается в предоставлении существенной

дополнительной социальной и материальной помощи, что было бы справедливо и целесообразно.

Однако общеизвестно, что еще более сложное положение среди осужденных всех категорий наблюдается в реальной жизни, в практике исполнения (отбывания) уголовных наказаний, особенно - лишения свободы. Участники российско-британского семинара “Тюремное законодательство” подчеркивают: «Общая оценка положения дел в системе мест предварительного заключения и исправительных учреждений МВД России (непрерывно ухудшающегося в последние четыре года) не вызывает разногласий между официальными и должностными лицами Российской Федерации, правозащитниками, экспертами ООН и Совета Европы: эти условия являются бесчеловечными и унижающими человеческое достоинство и могут квалифицироваться как пытка» [7].

Тем более худшим оказывается положение женщин, чья связь и отношения с семьей и детьми порой разрушаются настолько, что процесс их нормализации необратим. И в этом положении зачастую виновны как законодатели, так и правоприменители, не исполняющие по различным причинам требования нормативных предписаний. Научные основы гендерной политики, как части уголовной политики в целом, должны стать нормальным естественным элементом их изучения специалистами различных сфер деятельности.

Положение осужденных к лишению свободы женщин является центром внимания для многих ученых-пенитенциаристов стран как дальнего, так и ближнего зарубежья. И.В. Кучвальская указывает, что коренным образом ситуация в местах заключения для женщин (равно как и для мужчин) не изменилась ни после открытия еще одной женской колонии, ни после введения в действие нового УК Белоруссии, с которым связывались надежды на сокращение применения наказания в виде лишения свободы [8].

Несомненно, подобные вопросы должны изучаться и обобщаться в специальных правовых, методических, организационных и иных документах, стать основой отдельного серьезного направления базы подготовки специалистов пенитенциарной системы, предметом дальнейшего углубленного научного анализа.

Следует согласиться с Ю.М. Антоняном, который пишет: “Представляется, что все науки пенитенциарного цикла – уголовно-исполнительное право, уголовно-исполнительная педагогика и уголовно-исполнительная психология – должны иметь особые разделы об организации, тактике и методике исправления и перевоспитания осужденных женщин, об обращении с ними, и в первую очередь с теми, которые отбывают наказание в местах лишения свободы”.[8]

Если обобщить в целом положения ранее действовавшего уголовного и исправительно-трудового законодательства, (в частности, УК РСФСР 1960 г. и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1960 г) и современных сводов законов (УК РФ 1996 г., УИК РФ 1997 г.), то становится очевидным выборочное и несистематизированное применение гендерного подхода законодателем к разработке правовых норм, регламентирующих применение уголовных наказаний. При этом мы вновь встречаем не всегда и не вполне понятный подход в плане обоснованности выделения и учета законодателем того или иного гендерного признака либо, напротив, его игнорирования (половая принадлежность, беременность и т.д.).

Таким образом, подводя итоги нашего выборочного анализа норм уголовно-исполнительного законодательства, следует отметить, что многие его положения носят декларативный характер и даже в законодательном порядке не соответствуют истинным элементарным потребностям женщины, не ориентированы на создание естественных дополнительных прав, компенсирующих при реализации принципов

равенства и гуманизма ее положение в случае беременности и родов, воспитания малолетнего ребенка.

Следует произвести тщательный анализ с последующими изменениями тех норм уголовно - исполнительного законодательства, которые должны отражать принципы гуманизма, равенства, справедливости и уважения прав личности осужденного (как женщины, так и мужчины).

Примечания:

1. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. М., 2011.
2. Об утверждении норм обеспечения оружием, боеприпасами к нему и специальными средствами сотрудников уголовно-исполнительной системы: постановление Правительства РФ от 24 января 1994 г. № 40 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. М., 2011.
3. Комментарий к УИК РФ / под ред. А.И. Зубкова. М.: Инфра Норма, 2008.
4. Стругова Е.В. Дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1985. 184 с.; Фомин Н.С. Методика реализации дифференцированных программ перевоспитания осужденных: учеб. пособие. Домодедово, 1996.
5. Загородников Н. Давность уголовного преследования и ее сроки // Социалистическая законность. 1967. № 1. С. 35.
6. Комментарий к УИК РФ / под ред. А.И. Зубкова. М.: Норма, 2008.
7. Тюремное законодательство: обращение участников семинара от 29 мая 1996 года к Президенту РФ, Правительству, Председателю Верховного Суда РФ, Министру внутренних дел и другим лицам, Москва, 27-29 мая // Тюрьмы и права человека: материалы российско-британского юридического семинара, Москва, 27-29 мая 1996 г. М.: Эребус, 1997. С. 217.
8. Содействие расширению общественного влияния женщин в Республике Беларусь: проект ПРООН. Минск: ЕГУ, 2004. С. 62.
9. Антонян Ю.М. Женщины за колючей проволокой // Преступность среди женщин. М., 1992. С. 147.